

— Я пошел за тетрадкой!

Дин Хао, прижимая к себе тетрадь, вскарабкался на кровать и уселся рядом с Бай Бинем, их ноги соприкасались. Ничего не поделаешь, на кровати стоял лишь один маленький столик. Он аккуратно разместил перед собой свою тетрадку. Бай Бинь держал в руке перьевую ручку «Паркер» и дописывал задания, которые водитель привез ему из школы. Заметив, что Дин Хао тоже достал ручку и открыл тетрадь, Бай Бинь с любопытством посмотрел на него:

— Ты тоже умеешь писать?

Как будто это что-то удивительное! Неужели только Бай Бинь может писать, а остальные держат ручки как палочки для еды? Дин Хао серьезно отмахнулся:

— Отойди, отойди! Это очень серьёзное дело.

Его маленькая ладошка сжала ручку, и он начал писать свой первый в этой жизни список обид.

Бай Бинь, наблюдая за ним, нахмурился:

— Ты написал «Ли Шэндун»? Это тот самый, кто велел столкнуть нас в воду?

Дин Хао усмехнулся:

— Ага. Ты запомни, когда вырастем, мы ему этого не спустим. Пацан слишком плохой!

Бай Бинь погладил Дин Хао по голове, кивнул и улыбнулся:

— Хорошо.

Затем он посмотрел на тетрадь, где Дин Хао криво вывел несколько имён, и спросил:

— А зачем ты записываешь его имя?

Дин Хао подул на ещё не высохшие чернила и, услышав вопрос, живо приподнял брови:

— Боюсь забыть! Всё записываю в тетрадь по порядку, рано или поздно я отомщу!

Когда чернила подсохли, он закрыл тетрадь, взял другую, открыл её и принялся писать: «Х года Х месяца Х числа, Бай Лу валялась по полу в больнице, орела и плакала, вокруг зеваки, мама дала ей пощёчину...»

Бай Бинь поправил его:

— Тётя не била её, просто подняла руку, чтобы напугать.

Дин Хао закатил глаза:

— Не годится, этого мало для позора. Я запишу, чтобы Бай Лу потом со слезами упрашивала меня эту тетрадь сжечь.

Бай Бинь задумался и предложил:

— Если ты так напишешь, Бай Лу может увидеть и сразу порвать тетрадь. Используй код. Например, иероглиф «Лу» из строчки «Стая белых цапель взлетает в синее небо».

Дин Хао призадумался, потом согласился и начал исправлять. Написав пару знаков, он остановился, почесывая голову, личико покраснело от натуги. Бай Бинь спросил:

— Что случилось?

— А как пишется тот самый «Лу»? — Дин Хао выглядел ужасно смущённым. Он действительно опустил до того, что спрашивал у школьника, как пишется иероглиф. Это было слишком унижительно. Проклятый компьютер, проклятый метод ввода Согоу! В прошлой жизни он только печатал, а тут с ходу напиши иероглиф «Лу» — и никак не вспомнит!

Бай Бинь с пониманием взял руку Дин Хао и, водя его пальцем, вывел иероглиф чередом, а затем похвалил:

— Хаохао, в твоём возрасте уметь писать так много иероглифов — это уже удивительно. Это я виноват, иероглиф «Лу» ты выучишь, когда пойдёшь в начальную школу.

Дин Хао был повержен этими словами в прах. Это он хотел сказать, что тот хуже школьника? Уголок рта Дин Хао предательски задёргался. Он погрузился в уныние, но тут услышал, как Бай Бинь рядом покашлял:

— Но твой почерк, конечно, слишком ужасный.

Твою мать, Бай Бинь! Этот почерк был с ним больше двадцати лет, где он ужасный?! Дин Хао, охваченный яростью, резко повернулся и впился зубами в руку Бай Биня. Либо я, либо ты! В глазах Дин Хао даже выступили слёзы обиды. Слишком унижительно!

Отец Бай Лу, Лу Юань, жил в доме жены. Раньше он служил в армии, а потом был распределён на работу к деду Бай Биня. Молодой человек был трудолюбивым и простым, и старейшина Бай подумал, что такой хороший парень не должен достаться чужим, поэтому выдал за него свою дочь, договорившись, что их ребёнок будет носить фамилию жены. Лу Юань был из деревни и не ожидал, что сможет заключить такой выгодный брак. У него было два старших брата, так что вопрос о том, что он переезжает в дом жены, не был для него проблемой. Старейшина Бай, будучи человеком добрым, подумал, что нельзя слишком унижать родственников, и собственноручно написал имя для ребёнка — Бай Лу.

Когда родилась девочка, старейшина Бай перерыл словарь, чтобы выбрать подходящее имя, и остановился на иероглифе «Лу». Лу Юань не возражал. Когда Бай Лу исполнился месяц, приближался Новый год, и Лу Юань, боясь, что его родители могут быть недовольны рождением внучки, заранее вернулся домой и написал парные стихи, которые повесил на ворота:

«Родился мальчик или девочка — всё хорошо; выдаём замуж или женим — тоже сгодится, горизонтальная надпись: равенство мужчин и женщин».

Это означало, что сейчас общество равноправное, мужчины и женщины одинаковы. К тому же, он сам стал зятем, так что внучка — это тоже ничего страшного.

Лу Юань слишком много переживал. У его старших братьев были сыновья, и в семье как раз не хватало девочки. Так что Бай Лу стала маленьким сокровищем для обеих семей.

Хотя Бай Лу росла в любви, она была гораздо более воспитанной, чем Дин Хао. Она часто помогала по дому, мыла посуду и не была избалованной. В отличие от неё, Дин Хао был изнеженным ребёнком, выросшим в любви бабушки Дин. Он даже ел с нагрудником, а у Бай Лу

его не было!

Конечно, Дин Хао умел есть сам, но его ручки были слишком маленькими, чтобы справиться с лапшой, которую Бай Лу принесла для больного — густой, ароматной и скользкой...

Да, именно скользкой.

Дин Хао держал пластиковые палочки, почти такие же толстые, как его большой палец, пытался подцепить лапшу, но она срывалась и шлёпалась обратно, брызги горячего бульона попадали Дин Хао в лицо. Малыш Дин Хао разозлился, швырнул палочки и тяжело дыша, сердито процедил:

— Я поем потом!!

Бай Лу сидела рядом с вилкой. Увидев это, она презрительно закатила глаза:

— Хоть бы не ел!

Дин Хао рассмеялся, начал дуть на суп и пить маленькими глотками:

— Я не буду угождать тебе!

Какой он Дин Хао, чтобы ссориться с девчонкой? Когда суп почти был допит, он потянулся к палочкам. Он был умным, так поесть можно и не обжечься.

Бай Бинь протянул руку, взял миску Дин Хао, не брезгуя той, что была изъедена как будто собакой, взял свободную вилку, накрутил немного лапши и поднёс ко рту Дин Хао.

Бай Лу опешила, Дин Хао тоже. Чёрт, Бай Бинь, это что, намёк?

Бай Бинь не подвёл Дин Хао. Видя, что тот смотрит на него глупо и не реагирует, он сам показал пример:

— А-а-а.

Бай Бинь открыл рот, показывая, что собирается кормить Дин Хао.

Бай Лу вдруг подскочила! Указав на Дин Хао, на глаза у неё навернулись слёзы:

— Ты... ты бесстыдник!!

Её брат был как небожитель, не от мира сего. Обычно, когда она хотела воспользоваться его ручкой, она мыла руки с мылом три-четыре раза, а потом вытирала их полотенцем, прежде чем вернуть. А тут Дин Хао, который умял лапшу как свинья, и её брат кормит его с руки! Это... это слишком нагло!!

Девочка Бай Лу была бедна на слова, но её тон полностью выражал возмущение! Дин Хао, который сначала смутился, но заметив выражение лица Бай Лу, тут же послушно открыл рот и стал чавкать лапшой, которую ему подносил Бай Бинь, специально громко жуя. Девочка была в ярости, рука, указывающая на Дин Хао, дрожала.

Бай Бинь смотрел на Дин Хао, Дин Хао смотрел на Бай Лу, Бай Лу пялилась на Дин Хао. Тишина, но война полыхала!

В этот момент в комнату вошла мама Бай Лу с нарезанными фруктами:

— Ой, Биньбин, какой хороший мальчик, заботишься о братике.

Мама Бай Лу, очевидно, не понимая критической ситуации, даже добавила ложку куриного бульона в миску Дин Хао:

— Пей побольше, Биньбин, покорми братика бульоном.

Бай Бинь кивнул, отложил вилку, взял ложку и начал кормить Дин Хао бульоном. Прежде чем поднести ко рту, он помешал и подул. Дин Хао ел, и мурашки бегали по коже. Бай Бинь, где ты этому научился? Слишком тошно!!

Слёзы Бай Лу хлынули ручьём, она рыдала и икала:

— Я... я тоже хочу бульона!

Мама Бай Лу была строга, к тому же врач, и строго следила за здоровьем, разрешая есть только на восемьдесят процентов. Увидев, что пластиковая мисочка Бай Лу выскоблена до блеска, она не стала наливать ей суп и уговаривала:

— Лулу наелась, больше не будем, ладно?

Бай Лу не сдавалась, губы задрожали, и она заревела:

— Не-а! Я не наелась!! Хочу есть!! Уа-а-а!!

<http://bllate.org/book/16605/1518003>